

Свидание с Сёрен. Сёрен - типичное датское имя. Ударение на «ё», буква «р» произносится с ненавязчивым усердием беззубого младенца. Свидание Сёрен назначил около кладбища. Пока я размышляла, что лучше: поменять симку в телефоне - или все-таки вежливо объяснить этому некрофилу, что ни на кладбище, ни в сумасшедший дом я на свидание не пойду - мой взгляд упал на разворот туристической брошюры с портретом Ханса Кристиана Андерсена. Около фотографии нарисована схема проезда до Assistens Kirkegård. То самое кладбище, куда в меру симпатичный блондин Сёрен приглашает меня на первое свидание. Оригинальное начало. При всем моем большом уважении к великому датскому сказочнику, адрес не выглядит подходящим для романтического свидания. Согласилась я, нетрудно догадаться, из чистого любопытства. Раз уж я очутилась в Копенгагене, нужно

увидеть собственными глазами могилу Андерсена. В детстве я очень любила его сказки, несмотря на их светло-сумрачную грусть.

В следующую субботу, не дождливую и неожиданно солнечную, ровно в час ноль-ноль дня я стояла на углу Kapelvej и Nørgrebrogade. Сёрен подъехал на две минуты позже и стал очень извиняться за то, что опоздал. В сумраке кафе, в котором проходили «скоростные свидания», я не успела его рассмотреть как следует. Сегодня, при свете солнечного дня, Сёрен выглядел даже более симпатично, чем я его запомнила. Темно-синее короткое пальто, живописно обмотанный вокруг шеи белый шерстяной шарф, откровенно дорогие ботинки из коричневой замши. На носу очки Рей Бэн. Сёрен припарковал свой велосипед на специальную велосипедную парковку, и мы пошли гулять в парк. В смысле, на кладбище.

На кладбище было живенько. Мимо нас то и дело пробегали любители бега трусцой с обязательными наушниками футуристического дизайна, потому что какой же бег без музыки; мамы и папы с колясками сосредоточенно фланировали по аллеям; компания молодых людей скорее студенческого, чем маргинального вида сидели на лавочке, наслаждаясь солнечной погодой и баночным Карлсбергом. Экскурсовод, оживленно размахивая руками, рассказывал о чем-то наверняка интересном небольшой группе экскурсантов.

– Это еще что! – заметив, мое нескрываемое любопытство к такому нетрадиционному кладбищу, – улыбнулся Сёрен, – летом тут вообще идиллия: пикники на каждой второй поляне, группы мамочек с колясками организуют чаепития, любители йоги салютуют солнцу. Девушки топless загорают, – добавил он и посмотрел на меня немного испуганно: не взболтнул ли лишнего на первом свидании? – Здесь в солнечный летний день можно встретить весь Копенгаген! Но особенно, конечно, жителей

района Нёрребро. И знаешь, хоть кладбище и действующее, это не оскорбляет чувства умерших. Думаю, им наоборот приятно видеть, что жизнь продолжается. Что место, где они похоронены не только для скорби, боли и горя. Но и для позитивных, радостных чувств и эмоций.

Мне почему-то не очень верится, что умершие много рефлексируют по поводу места своего захоронения. Впрочем, надо отдать должное Сёрену – про чувства умерших ему есть что сказать. Как-никак он учится в Университете на теологическом факультете. Я усиленно пыталась совместить в голове щеголеватый стиль креативного класса с будущей профессией Сёрена.

Сёрен рассказал, что это кладбище было основано более трехсот лет назад и изначально было кладбищем для бедных. Но со временем превратилось в очень престижное кладбище. Если, конечно, в том, чтобы оказаться на кладбище, есть хоть какой-нибудь престиж. Здесь похоронено много знаменитых датчан, наиболее известные из которых – философ Сёрен Кьёркегор, физик Нильс Бор и, конечно же, самый великий сказочник всех времен и народов. Свою всемирную известность Андерсен получил благодаря сказкам, но он был не только сказочником, но и известным журналистом, автором множества новелл и вдохновенным путешественником, – вещал Сёрен с интонацией профессионального гида. - Именно ему принадлежит высказывание о том, что «путешествовать – значит жить». Ты, наверное, мне не поверишь, но при жизни за умение вырезать из бумаги замысловатые картинки–аппликации его ценили не меньше, а может быть, даже и больше, чем за его сказки! Одно из вырезанных им гофрированных красно-белых сердец даже хранится в музее. Наряду с некоторыми его другими бумажными миниатюрами.

– Pleated heart? – переспросила я.

– Да, традиционное со времен Андерсена елочное украшение, – пояснил Сёрен. Выглядит просто и, вместе с

тем, красиво. Ты их наверняка видела, просто не обращала внимание. Для меня они – воплощение датского рождества!

– Рождество еще не скоро.

– И оглянуться не успеешь! – ответил Сёрен, – Да, вот здесь и похоронен Хосе Анасн, – он махнул рукой в сторону скромной могилы.

– Кто–кто? Хосе?! Какой такой Хосе? – удивленно переспросила я.

– Ну да, Хосе. Hans Christian. Сокращенно, по-датски, произносится Н.С. – «ХоСе», – терпеливо пояснил он.

Я долго смеялась. История, достойная лингвистического анекдота! Зато теперь все встало на свои места. Это имя я уже несколько раз слышала. И каждый раз удивлялась: кто этот испанец Хосе с фамилией датского сказочника, о котором почему-то так много говорят датчане? Кстати, фамилия его по-датски произносится как «Анасн». Хоть и пишется Andersen.

Могила Андерсена действительно выглядит на удивление скромно. Если бы я ее сама и нашла, то или случайно, или с большим трудом. Третий вариант отсутствует. Могилы других великих датчан, того же Нильса Бора, выглядят более внушительно и величественно. Сразу становится понятно, что датчане хоть и любят сказки, но достижения в области ядерной физики ценят куда больше. Многие памятники созданы знаменитыми скульпторами, поэтому кладбище Ассистентс является важной частью датского культурного наследия. Здесь же, неподалеку, могила самого известного датского философа. Сёрен Кьёркегор. Тезка моего сегодняшнего спутника получил свою всемирную известность как один из главных основоположников экзистенциальной философии. Как-то у них тут в Дании неразнообразно с именами. Зато забавно. Особенно на слух. Не язык, а спазм желудка у больного двусторонней пневмонией.

Помимо своего вклада в теорию экзистенциализма, Кьёркегор также известен своими крылатыми высказываниями о жизни и судьбе. «Женишься – и ты пожалеешь об этом. Не женишься – тоже пожалеешь. Хоть женись, хоть не женись – будешь жалеть в обоих случаях», – с выражением процитировал Сёрен.

– Ты тоже так считаешь? – спросила я Сёрена. – Что жалеть придется в любом случае?

– Мне кажется, что надо доверять своим чувствам. Интуиции. И если интуиция подсказывает не жениться – то стоит прислушаться. В надежде, что когда-нибудь интуиция включит зеленый цвет.

Я внимательно посмотрела на Сёрена. В надежде, что моя интуиция сообщит мне что-нибудь нужное и важное. Интуиция молчала.

– Ты слышала про допамин? Молекула удовольствия, – продолжил свои рассуждения Сёрен. Американские исследователи считают, что счастливыми рождаются. Что счастье предопределено генетически.

– Так именно поэтому датчане самые счастливые в мире? Генетика?

– Может быть. Но я сейчас не об этом. В ходе этого американского исследования выявлено, что люди, которые счастливы в браке, были счастливы и до вступления в брак. То, что семейные люди в среднем счастливее, чем одинокие, говорит лишь о том, что люди, предрасположенные к счастью, и вступают в брак. А не то, что брак делает людей более счастливыми.

– А Сёрен Кьёркегор был счастливым человеком? – спросила я.

– Судя по всему, не очень.

На территории кладбища Ассистенс расположено русское кладбище. Что хоть и немного неожиданно, но вполне логично. Принимая во внимание давнюю историю датско–российских отношений. Если теорию о том, что именно датский викинг, варяг Рёрих Ютландский основал

древнерусскую княжескую династию Рюриковичей, разделяют не все историки, то совершенно достоверным является то, что мамой последнего российского императора Николая II была датчанка. Принцесса Дагмар, крещенная при вхождении на российский престол в Марию Федоровну. Так что у Дании и России гораздо больше общих точек пересечения, чем это может показаться на первый взгляд.

– Ты пьешь вино? – прервал мои размышления Сёрен.

– Да, – ответила я. – Если вино хорошее, почему бы и нет?

– А я не пью, – ответил он. – Совсем не пью. – Сёрен смотрел на меня выжидательно и изучающе. – А ты знаешь, – продолжил он, – что ирландский писатель Джеймс Джойс никогда не пил красное вино, потому что оно напоминало ему кровь Христову. В питье красного вина Джойсу виделся каннибализм. Поэтому он никогда не пил красное вино.

– А белое он пил? – спросила я.

– Белое пил. А я не пью! Я вообще не пью. И мне бы очень хотелось, – добавил он, – чтобы моя девушка разделяла мои взгляды на жизнь и мои интересы.

– А какие у тебя интересы? – спросила я Сёрена.

– Я люблю природу, – ответил Сёрен после тридцатисекундной паузы.

– And how do you like it? Как ты ее любишь?

– Что ты имеешь в виду?

Интересно, это мой плохой английский (плюс пять баллов в хорошую карму за скромность), или у кого-то полностью отсутствует чувство юмора?

– Я имею в виду, что природу можно любить по-разному. Можно сидеть на лавочке в парке и наслаждаться свежим воздухом и хорошей погодой. Как мы с тобой сейчас. Хотя, конечно, мы с тобой сидим на лавочке на кладбище, а не в парке. А можно – заниматься

альпинизмом. И наслаждаться видом восхода солнца на высоте в тысячу метров.

– Я не занимаюсь альпинизмом, – ответил Сёрен и тревожно посмотрел мне в глаза.

Ну какой же он зайка! Обнять и плакать. Обнять – по-дружески, а не каким-то другим фасоном.

– Сёрен, а зачем ты пригласил меня на свидание? – не удержалась я.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, когда ты решил, что хочешь со мной встретиться, о чем именно ты думал? Почему ты решил пригласить меня на свидание?

– Ты симпатичная, – как-то неожиданно быстро, без раздумий длинную в затяжную паузу, ответил он.

– Спасибо. Ты тоже симпатичный.

– А еще мне было очень интересно поговорить с русской девушкой. Я еще никогда с русскими девушками не разговаривал... Ты совершенно обычная!

– В смысле?

– Уф, я имел в виду нормальная...уф, я не ожидал, что девушка из России...уф...

– Нормальная. Понятно. Спасибо за комплимент. Теперь ты знаешь, что русская девушка – это не так страшно. Даже если она пьет вино.

– Датские девушки тоже пьют вино! – с какой-то странной радостью в голосе ответил Сёрен.

За время нашего немудреного диалога мы успели дойти до калитки парка. В смысле, кладбища.

– До встречи, – с полувопросительно-полуутвердительно-интонацией сказал Сёрен и ткнулся холодным носом в мочку моего уха.

– До встречи, – ответила я.

Мы оба понимали, что второй встречи не будет. И что иногда громко озвучивать то, о чем мы тихо подумали

совершенно необязательно. Хотя в чем-то мы совпали с голубоглазым студентом теологического факультета.

А кладбище мне очень понравилось! Идеальное место для бега трусцой. И для того, чтобы прикоснуться к датской истории. Будете в Копенгагене, рекомендую!